

М. Б. СВЕРДЛОВ

ДАНИЯ И РУСЬ В XI в.

Изучению русско-скандинавских связей посвящено большое количество работ, однако датско-русские отношения в XI в. все еще не исследованы. В зарубежных трудах по истории Скандинавии датско-русские контакты в XI в. даже не упоминаются¹ (правда, для более раннего времени иногда говорится о пребывании датчан на Руси, но они называются в общем перечне скандинавских народов, и специально присутствие датчан на Руси не доказывается²). Такой подход к изучению указанной темы может быть объяснен в значительной степени господствующей среди исследователей истории Скандинавии презумпцией, согласно которой интересы Дании и Норвегии были направлены на Запад, а Швеции — на Восток.³ Эта посылка привела к тому, что изучение отношений Дании с восточнославянским государством осталось без внимания.

В работах по истории Древней Руси датско-русские связи XI в. также не рассматривались. Это объясняется, на наш взгляд, полным отсутствием прямых известий о Дании и датчанах в русских источниках XI в. Действительно, даже в перечне народов Северной Европы во вступлении к «Повести временных лет» (вторая половина XI в.) датчане отсутствуют, хотя названы ва-

¹ C. Grimberg. Svenska folkets underbara öden, bd., I, Stockholm, [б. г.], ss. 197—208; Sveriges historia genom tiderna, 1. d., Stockholm, 1947. ss. 121—124; Danmarks historie, bd. 2, København, 1963, и др. — Можно только указать на гипотезу А. Р. Льюиса, который довольно умозрительно предполагал, что между Кнутом и Ярославом были враждебные отношения, поскольку последний укрывал врага Кнута — Олафа — и воспитывал его сына Магнуса (A. R. Lewis. The Northern Seas. Princeton, 1958, p. 414).

² Например: F. E. Dahlmann. Geschichte von Dänemark. Hamburg, 1840, S. 124.

³ Л. Н. Гедделунд. История Дании. СПб., 1907, стр. 26; J. Brøndsted. Vikingerne. Copenhagen, 1960, S. 100; Vårt folks historie, bd. I. Oslo, 1962, s. 310.

ряги, шведы, норманны, готы и англичане.⁴ Первые известия о датчанах встречаются в Новгородской первой летописи под 1130 г. и 1134 г.⁵ В этих сообщениях говорится об устойчивых торговых контактах между Новгородом и Данией, указывается, что не только датчане плавали в Новгород, но и новгородцы плавали в Данию. Такого рода данные позволяют предположить, что русско-датские торговые связи начались значительно раньше.

Интересно название страны, под которым Дания выступает в Новгородской первой летописи, — Донь. А. И. Соболевский, изучив эту форму, пришел к выводу, что замена германского «а» на «о» в славянском «говорит только о некоторой древности знакомства славян с германскими данами»,⁶ имея в виду, вероятно, X—XI вв. В другом месте ученый выразился более точно: он предположил, что знакомство славян с германским племенем данов произошло в общеславянский период.⁷ В пользу непосредственного образования древнерусского «Донь» от «Дания» высказался М. Фасмер.⁸ Такого же мнения придерживается и А. Стендер-Петерсен. Последний, ссылаясь на результаты изучения замены гласных в древнерусских словах, заимствованных из германских языков,⁹ предположил, что название страны «Донь» попало в древнерусский язык около X в.¹⁰ Таким образом, лингвисты настаивают на более раннем, чем XII век, знакомстве восточных славян с датчанами.

Каковы данные других источников? Как указывалось выше, определить наличие датско-русских контактов в X в. по русским письменным источникам не удастся, поскольку в летописании сообщается о варягах вообще. В западноевропейских источниках также нет упоминаний о каких-либо отношениях Руси и Дании. В пользу поездок датчан в Восточную Европу в X в. могут свидетельствовать только находки значительного количества дирхемов и византийских монет в Дании,¹¹ которые безусловно были

⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. I, М., 1962.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 22, 23, 206, 208.

⁶ А. И. Соболевский. Несколько этнографических названий. «Русский филологический вестник», т. 64, Варшава, 1910, стр. 175.

⁷ A. Sobolevskij. Die slavischen Benennungen deutscher Volkstämme. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 32, Berlin, 1911, S. 310.

⁸ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 484.

⁹ Ad. Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1937, S. 491 ff.; Cl. Thörnquist. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala—Stockholm, 1949, S. 102 ff.

¹⁰ Ad. Stender-Petersen. Det russiske navn for Danmark. Festschrift til Peter Skautrup. Aarhus, 1956, ss. 67—71.

¹¹ P. Hauberg. Myntforhold og Udmyntninger i Danmark indtil 1146. Det Kongelige danske videnskabernes selskabs skrifter, bd. V. København, 1900, ss. 22, 25; Commentationes de nummis saeculorum IX—XI in Suecia repertis, p. I. Stockholm, 1961, pp. 3—4.

привезены из славянских земель. В этой связи интересным представляется мнение замечательного арабиста Х. М. Френа, который считал, что название Дании встречается в сочинениях арабских географов.¹² Вполне возможно, что для X в. контакты Дании и Руси ограничивались плаваниями датчан в восточнославянские земли за арабским серебром; могли они плавать и дальше на Восток, где встречались с арабскими купцами. Вероятно, это были не только и не столько торговые, сколько военные предприятия.

В XI в. отношения Руси и Дании становятся значительно сложнее. Об этом свидетельствует ряд данных западноевропейских источников. Первым по времени является следующее сообщение Адама Бременского: «Кнут свою сестру Эстрид дал в супруги сыну короля Руси».¹³ Это известие прошло почти незамеченным в историографии. Специалисты по истории Дании его не упоминают. Достаточно напомнить, что этот факт не указан даже в биографии Эстрид в «Датском биографическом словаре».¹⁴ Возможно, это явилось следствием недвусмысленных свидетельств источников, которые сообщают о браке Эстрид и ярла Ульфа. В работе Л. М. Сухотина высказывается мнение, согласно которому супругом датской королевы был волынский князь Всеволод Владимирович,¹⁵ хотя рассказ Снорри Стурлусона о поездке Всеволода в Швецию, его сватовстве к вдовствующей королеве и убийстве его по ее приказу противоречит такой идентификации и опровергается свидетельством автора «Деяний гамбургских архиепископов».

Подвергать сомнению известие Адама Бременского нет достаточных оснований, поскольку, по свидетельству самого хрониста, одним из его информаторов был датский король Свен Эстридсен, сын упомянутой автором Эстрид. По нашему мнению, рассматриваемое сообщение Адама Бременского и данные о замужестве Эстрид и Ульфа не исключают, а дополняют друг друга. Они рассказывают о различных периодах жизни Эстрид. Несмотря на то что о жизни Эстрид почти ничего не известно, предположительно можно установить следующее. Мать Эстрид Гунхильда (ум. до 1014 г.) овдовела после смерти своего мужа короля Эрика около

¹² Х. М. Френ. О восточных монетах, находимых в России. В кн.: П. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. 75.

¹³ Adam, schol. 39 (40). — Авторство схолий до сих пор окончательно не определено, но, исходя из определения их принадлежности Адаму Бременскому (W. Schlüter. Adams von Bremen geographische Vorstellung von Norden. «Hansische Geschichtsblätter», Bd. XVI. Leipzig, 1910, S. 557), можно сделать вывод, что эта схолия принадлежит перу самого хрониста.

¹⁴ J. Steenstrup. Estrid. In: Dansk biografisk leksikon (далее — DBL), bd. VI. København, 1935, ss. 452—453.

¹⁵ Л. М. Сухотин. Брачные союзы ближайших потомков св. князя Владимира. В кн.: Владимирский сборник. Белград, 1938, стр. 180.

995 г.¹⁶ Затем она вышла замуж за короля Свена Твескега, а около 1000 г. у них родился сын, будущий король Кнут Великий. С другой стороны, известно, что после того как Эстрид, дочь Гунхильды и Свена Твескега, вышла замуж за ярла Ульфа, у них в 1020 г. родился сын Свен, будущий датский король Свен Эстридсен. Очевидно, годы рождения Эстрид и Кнута близки. Может быть, она была на 1—3 года старше его или ненамного моложе.

Кнут самостоятельно выступил на политическую арену в 1014 г., после смерти отца. В Дании он поделил власть с братом Гаральдом, а в 1015 г. начал борьбу, продолжавшуюся два года, за власть в Англии. Можно предположить, что именно в это время Кнут, стремившийся упрочить свое положение в Дании и обрести больший авторитет в других скандинавских странах, Швеции и Норвегии, породнился с русским великокняжеским домом. Другие скандинавские конунги поступали таким же образом: Олаф Трюгвасон нашел поддержку у Владимира; Олаф Святой, готовясь к борьбе за единовластие, оставил своего сына Магнуса у Ярослава; несколько позднее в Киеве нашли убежище Ингвар, Анунд, Якун, Шимон, Эйлиф и др.¹⁷ В свою очередь Ярослав Владимирович весной 1015 г. женился на Ингигерд, шестнадцатилетней дочери Олафа Шведского,¹⁸ чтобы упрочить свое положение в предстоящей борьбе за киевский стол.

Брак Эстрид и кого-то из Владимировичей не покажется ранним, если учесть, что сам Кнут женился в 17 лет. Однако замужество Эстрид, имевшее место, вероятно, в 1014 или в 1015 г., было недолгим. После смерти Владимира (15 июля 1015 г.) на Руси разразилась братоубийственная борьба за власть в Киеве, и в этой борьбе погиб муж Эстрид. Вполне возможно, что ее супругом был Борис или Глеб (Святослав не мог быть на ней женат, так как в Никоновской летописи сообщается, что уже

¹⁶ Даты и факты из жизни Эстрид и ее семьи здесь и ниже берутся из наиболее авторитетного в этом отношении «Датского биографического словаря»: J. Steenstrup. Estrid. DBL, bd. VI, ss. 452—453; V. la Cour. Gunhild. DBL, bd. VIII, 1936, ss. 444—445; V. la Cour. Knud den Store. DBL, bd. XII, 1937, ss. 566—569; C. A. Christensen. Sven Tveskaeg. DBL, bd. XXIII, 1942, ss. 193—194; A. Afzelius. Svend Estridsen. DBL, bd. XXIII, 1942, ss. 194—196.

¹⁷ F. Braun. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV. Jahrhunderts. Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle, 1934, S. 155; Ф. А. Браун. 1) Кто был Ингвар-путешественник? «Записки Неофилологического общества», вып. IV, СПб., 1910, стр. 131—153; 2) Фриан и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана. «Известия Отделения русского языка и словесности», т. VII, кн. 1, СПб., 1902, стр. 359—365; Е. А. Рыдзевская. Сведения о Ладоге в древнесеверной литературе. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XI, М.—Л., 1945, стр. 57—63.

¹⁸ А. И. Лященко. «Eymundar Saga» и русские летописи. «Известия Академии наук СССР», VII серия, т. XX, № 12. Л., 1926, стр. 1069—1070.

в 1002 г. у него родился сын).¹⁹ Не исключено, что ее мужем был кто-нибудь другой из многочисленных Владимировичей, умерших приблизительно в это же время (о судьбе их ничего не известно). Во всяком случае, овдовевшая княгиня возвращается в Данию, выходит там замуж за ярла Ульфа, и в 1020 г. у них рождается сын. Таким образом, наша гипотеза объединяет непротиворечащие сведения Адама Бременского о замужестве Эстрид за «сына короля Руси» и данные о браке Эстрид и ярла Ульфа.

Косвенно о наличии связей Дании и Руси при Кнуде Великом, бывшем большую часть жизни королем не только Дании, но и Англии, свидетельствует большое количество англо-саксонских монет времени правления Этельреда II (978—1016) (Кнуд женился на его внучке Эмме) и Кнута Великого, а также датских монет последнего, найденных в России.²⁰ Датские монеты были распространены в северной части Древнерусского государства.²¹ Они наряду с монетами других западноевропейских стран сыграли важную роль в экономике Руси.²²

Приблизительно к этому же времени относится известие о пребывании на Руси датчан во главе с Германном. В Пегауских анналах сообщается, что отец Германны, поморский князь Волк, должен был бежать в Данию, где женился на дочери короля, а после смерти последнего, перебив братьев своей жены, начал править сам. «Когда Волк умер, дядя по матери тех, которых он убил в стране данов, ненависть против отца направил на сыновей. Они не верили, что выдержат столкновение с ним, и бежали из родных пределов. Первый из них, Оттон, бежал в Грецию, Германн — на Русь. Викперт же удалился от остальных братьев в страну бальзамов, которая ему досталась в качестве отцовского наследства».²³

¹⁹ ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 68 — Сведения Никоновской летописи следует использовать очень осторожно. Нам представляется на основе проведенного исследования, что это известие может быть отнесено к своду XI в., по это тема особой работы.

²⁰ Б. Кёне. Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России. СПб., 1852, стр. 180—192. — Именно в первой четверти XI в. резко увеличивается на Руси количество монет Этельреда II и Кнута Великого. Завоз этих монет продолжался и во второй четверти XI в. (N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. (Автореферат). «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, 1935, стр. 238).

²¹ N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. «Zeitschrift für Numismatik», Bd. XXXIX, Berlin, 1929, SS. 1—187; Bd. XL, 1930, SS. 188—228; Bd. XLII, 1935, SS. 153—173. — Более подробно см. статью В. М. Потина в настоящем сборнике, стр. 76.

²² В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956; В. М. Потин. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения. «Нумизматика и эпиграфика», т. III. М., 1962, стр. 183—191, и другие работы.

²³ Annales Pegavenses. Ed. G. Waitz. Monumenta Germaniae historica, SS. XVI, pp. 234—235.

Это известие находится в биографии Викперта, графа Гройчского, сына упомянутого выше Викперта. Биография, составленная, судя по обилию фактов и дат из жизни Викперта, его отца и деда, при участии самого графа, была включена в Пегауские анналы.²⁴ Таким образом, приведенное сообщение, относящееся к семейным преданиям героя биографии, нет оснований подвергать сомнению. Единственным уточнением может быть только то, что король, на дочери которого женился Волк, видимо, принадлежал к линии Горма Старого, но это не были Свен Твескег, Гаральд, Кнут и Гартекнут, поскольку в их биографии такие факты неизвестны. Неясно время, когда произошли указанные события. Ориентиром могут послужить только две даты: первая — год смерти Викперта, младшего сына Волка, — 1050 г., вторая — дата из рассказа о событиях 1039 г. в Германии, в которых участвовал Викперт, тогда «adolescens»,²⁵ однако этот термин очень неопределен и не может быть серьезным основанием для расчетов. Можно предположить, что эти события произошли в первой четверти XI в. Если учесть историю Дании в этот период, то весьма вероятно, что сыновьям Волка пришлось бежать от преследований со стороны Кнута, энергично взявшегося за подчинение земель, подвластных в прошлом его отцу. В этом случае дядей по материнской линии сыновей Волка следует считать Кнута Великого. Таким образом, в указанном сообщении Пегауских анналов отмечен широко распространенный в XI в. случай, когда скандинавские конунги, потерпев поражение на родине, искали поддержку у киевского великокняжеского дома. Германи со своими спутниками остался на Руси, а Оттон отправился искать приключений в далекую Грецию.

Присутствие датчан на Руси в это время может быть подтверждено рассказом Титмара Мерзебургского о Киеве, записанным со слов участника киевского похода Болеслава Храброго в 1018 г. В хронике мерзебургского епископа сообщается, что большую роль в войске Ярослава играли датчане.²⁶ Следует прежде всего определить, кого хронист подразумевал под «датчанами». Титмар крайне редко и неохотно пользуется словом «норманны».²⁷ Часто он пишет о пиратах, не определяя их этническую принадлежность.²⁸ Даже тогда, когда хронист должен был знать, к какому народу принадлежат разбойники, он об этом не пишет. Так, еще совсем молодым человеком, Титмар должен был

²⁴ *Scriptores rerum Lusaticarum*, t. I. Ed. Ch. G. Hoffmann. Lipsiae, 1719, pp. 7—8; *Annales Pegavenses*, p. 232.

²⁵ *Annales Pegavenses*, p. 236.

²⁶ *Thietmar*, VIII, 32.

²⁷ *Ibid.*, VII, 36, 42. — В первом случае у Титмара «норманнами» названы шведы.

²⁸ *Thietmar*, IV, 23—25; VI, 83; VIII, 7.

отправиться заложником к пиратам вместо своего дяди Зигфрида, попавшего в плен в результате поражения похода против морских грабителей, и только бегство дяди избавило его от этой участи; но, описывая этот случай, автор пишет просто о пиратах.²⁹ Когда об этом же столкновении пиратов и саксонских феодалов, среди которых был Зигфрид, пишет Адам Бременский, он сообщает, что победителями были шведы и датчане.³⁰

Во всех остальных случаях, где речь может идти о скандинавах вообще и датчанах в частности, хронист пишет о «датчанах». Только в одном месте мерзебургский епископ разделяет норманнов и датчан,³¹ но, как установлено исследователями, Титмар, широко использовавший в первых книгах своей хроники труд Видукинда «История Саксонии»,³² заимствовал это известие у названного автора.³³ Следовательно, можно было бы сделать вывод, что Титмар обозначил скандинавских наемников на Руси именем «датчане». Однако необходимо учесть, что записанная хронистом информация была получена от участника похода и не известно, как он назвал виденных им скандинавов, находившихся в войске киевского князя. Может быть, это были действительно датчано. Тогда это могли быть спутники Эстрид, оставшиеся на Руси, или дружина Германна, или просто датчане, отправившиеся служить киевскому князю, как это довольно часто делалось тогда. Во всяком случае, употребление Титмаром имени «датчане» для обозначения скандинавов не может свидетельствовать против того, что информатор хрониста имел в виду действительно датчан.

О продолжающихся во второй половине XI в. отношениях между Данией и Русью свидетельствуют известия Адама Бременского о морских балтийских путях, которые начинаются в Дании или датской Скюнии, а кончаются неизменно на Руси.³⁴ Характерно, что хронист, сообщая это, или ссылается на слова самих датчан, или недвусмысленно указывает на плаванья датчан на Русь.³⁵ Указанные известия Адама Бременского подтверждаются находкой рунического текста в Новгороде, написанного датским футарком середины XI в.³⁶ Хронист не указывает цели поездок датчан, но, очевидно, эти путешествия совершались и

²⁹ Ibid., IV, 23—25.

³⁰ Adam, II, 31.

³¹ Thietmar, I, 17.

³² M. Manitius. *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. Bd. II. München, 1923, S. 266.

³³ Widukind, I, 40.

³⁴ М. Б. Свердлов. Известия о русско-скандинавских связях в хронике Адама Бременского. «Скандинавский сборник», XII, 1957, стр. 273—275.

³⁵ Adam, II, 22; IV, 11; schol. 120; schol. 126.

³⁶ Э. А. Макаев. Руническая надпись из Новгорода. «Советская археология», 1962, № 3, стр. 309—311.

с торговыми,³⁷ и с политическими, и с военными целями. Следует также учесть, что датчан мог привлекать и путь «из варяг в греки», о плавании по которому сообщает как «Повесть временных лет»,³⁸ так и Адам Бременский.³⁹ На использование датчанами этого пути в конце XI в. ясно указывает путешествие по нему датского короля Эрика Эйегода в Константинополь.⁴⁰ О хороших отношениях между Данией и Русью свидетельствует Саксон Грамматик, который сообщает о браке Владимира Всеволодовича и Гиты Гаральдовны, заключенном при активном содействии короля Свена Эстридсена.⁴¹

Указанные выше сведения источников ясно показывают, что между Данией и Русью в XI в. существовали устойчивые и разнообразные контакты. Брак Эстрид и неизвестного сына Владимира преследовал политические выгоды для обеих сторон. Русь не оставалась в стороне от событий, происходивших в самой Дании. Из Дании на Русь, вероятно, приходили дружины наниматься на службу к киевским князьям. И, наконец, в XI в. между обеими странами существовали постоянные торговые связи.

³⁷ Напомним также приведенное в начале работы известие Новгородской первой летописи о прямых торговых контактах между Данией и Новгородом.

³⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стр. 7.

³⁹ Adam, IV, 15.

⁴⁰ A. Fellman. Voyage en Orient du roi Erik Ejegod et sa mort a Parhos. Helsinki, 1938. О датско-русских торговых связях более подробно см. статью И. П. Шаскольского в настоящем сборнике (стр. 12—15).

⁴¹ М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. «Труды отдела древнерусской литературы», II, М.—Л., 1935, стр. 51—52.